

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 84–103.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 84–103.

Научная статья / Original article

УДК 2-9:94(47)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-84-103

ПИЕТИЗМ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XVIII–XIX ВЕКОВ

Татьяна Витаутасовна Чумакова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, chumakovatv@gmail.com

 Аннотация. Статья посвящена рецепции пиетизма в русской религиозно-философской мысли XVIII–XIX веков. Пиетизм, возникший как реакция на формализацию протестантизма в XVII веке, выражал стремление людей к личному благочестию, к идеалам раннего христианства. Влияние пиетизма на русскую культуру начинается достаточно рано, в том же XVII веке. В XVIII столетии он укрепляется как благодаря переводам учебной литературы, которые осуществлялись выходцами из Галле, так и личным контактам, а также переводам Иоганна Арндта, Иоганна Герхарда и Филиппа Якоба Шпенера. Они были в ходу в семинариях, а также входили в состав личных и монастырских библиотек. Появлялись религиозные произведения, созданные под влиянием этой традиции (например, «О истинном христианстве» Тихона Задонского). К началу XIX века пиетизм становится важной частью российской религиозной инфосферы; в течение столетия его влияние не ослабевает, однако рацио-

© Чумакова Т. В., 2022

налистическая философия постепенно ограничивает его усиление. Пиетизм актуализируется прежде всего в религиозно-философской традиции, а также в деятельности различных институций, которые занимались духовным просвещением. Среди наиболее последовательных сторонников пиетистской традиции в России можно назвать В. А. Жуковского и А. С. Стурдзу. Но влияние предпиетизма (И. Арндт), пиетизма и германского неопиетизма XIX века можно обнаружить практически у всех русских религиозных философов первой половины XIX века.

Ключевые слова: пиетизм, русская культура, православие, русская философия

Благодарности: Исследование подготовлено при поддержке гранта РФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX — нач. XX вв.».

Ссылка для цитирования: Чумакова Т. В. Пиетизм в русской религиозно-философской мысли XVIII–XIX веков // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 84–103.

<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-84-103>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

PIETISM IN RUSSIAN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL THOUGHT
OF THE 18TH–19TH CENTURIES

Tatiana V. Chumakova

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia, chumakovatv@gmail.com

Abstract. This article focuses on the reception of Pietism in Russian religious and philosophical thought in the 18th–19th centuries. Pietism, which emerged as a reaction to formalisation of Protestantism in the 18th century, expressed people's aspirations for personal piety and ideals of early Christianity. Influence of Pietism on Russian culture can be found as early as the 17th century. In the 18th century it grows extensively thanks to the translations of study materials by the Halle Pietists, as well as by Johann Arndt, Johann Gerhard, and Philipp Jakob Spener. The transla-

tions were used in seminaries and were part of personal and monastery libraries. Inspired by the tradition of pietism, new religious works were written (“About True Christianity” by Tikhon of Zadonsk). Pietism becomes an important part of Russian religious infosphere. In the 19th century the effect of pietist tradition continues to be strong, however, it is no longer a global phenomenon. Pietism takes an increasing importance, first of all, in religious and philosophical tradition as well as activities of various institutions involved in religious education. Among the most fervent advocates of pietism in Russia are V. A. Zhukovsky and A. S. Strudza. Nevertheless, the impact of pre-Pietism (J. Arndt), Pietism and German neo-Pietism of the 19th century can be found among almost all the Russian religious philosophers of the first half of the 19th century.

Keywords: Pietism, Russian culture, Orthodoxy, Russian philosophy

Acknowledgments: The study was supported by the project 22-28-00862 of Russian Science Foundation — “The infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th — early 20th cc.”.

For citation: Chumakova, T.V. (2022) ‘Pietism in Russian Religious and Philosophical Thought of the 18th–19th Centuries’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 84–103. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-84-103.

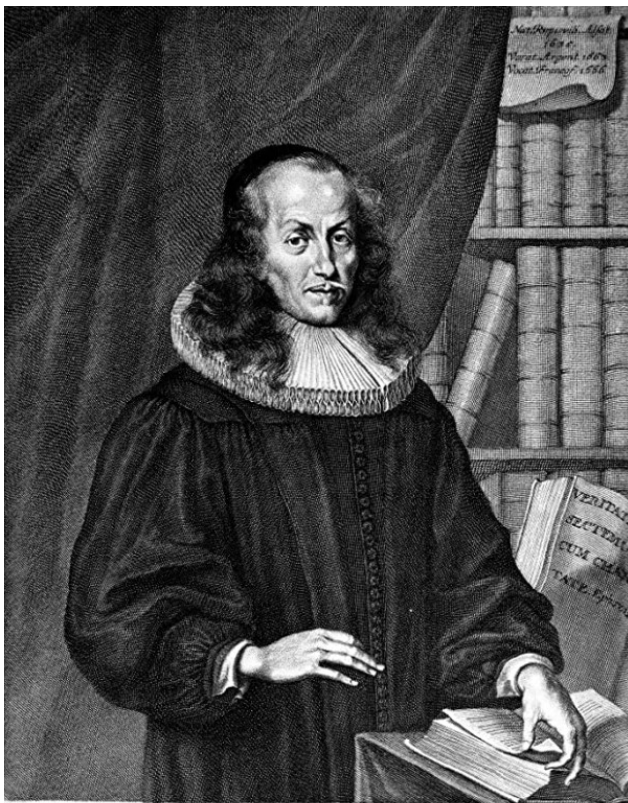

Пиетизм (от лат. *pietas* — набожность, благочестие, любовь, надежность, преданность, справедливость, сострадание, милосердие, добросердечие) в христианской традиции с эпохи Реформации обозначает тот образ жизни и традиции благочестия, которые существовали в первых христианских общинах. В качестве религиозного направления он возникает в протестантизме после Тридцатилетней войны. Сторонники этого движения, опираясь на труды основоположников Реформации Кальвина и Лютера, а также на мистическую духовность Средневековья и Нового времени, стремились завершить процесс Реформации, сделав акцент на реформировании внутренней религиозной жизни отдельного человека. Говоря о периодах развития этого течения, исследователи выделяют этап предпиетизма, который связывается прежде всего с именами Иоганна Арндта (1555–1621) и Якоба Бёме (1575–1624). «Духовная алхимия», в результате чего появляется новый, духовный человек, которую проповедовали эти авторы, была близка сторонникам разных религиозных и эзотерических течений XVII–XIX веков [Shantz, 2011]. Но начало пи-

етизма как течения в лютеранстве традиционно связывают с выходом в свет в 1675 году трактата Филиппа Якоба Шпенера “*Pia desideria*”. Значение этого произведения было столь велико, что спустя два года последователей Шпенера стали называть пиетистами. Во многом благодаря этому труду Шпенера стали считать наиболее важным германским протестантским теологом в период между Реформацией и Просвещением [ibidem]. Основными идеями Шпенера были следующие:

- изучение Библии должно быть постоянным занятием каждого христианина, а не только богословов;
- необходимость обновления темы духовного священства всех верующих, о чем успели позабыть многие протестанты;
- христиане должны сосредотачиваться прежде всего на личном духовном опыте и практике духовной жизни, а не на рациональном знании;
- христианство — «религия сердца», и полемика между христианами должна проходить в духе любви;
- богословское образование подразумевает изучение не только богословской, но и духовной литературы, чтобы пасторы уделяли большее внимание личному наставлению верующих;
- цель проповеди — это прежде всего наставление в вере, а не демонстрация богословских познаний пастора [Bernard, 1996, p. 218–220].

Пиетисты классического периода считали, что цель религиозных практик — полное религиозное обновление каждого верующего. Отказываясь от единой схемы такого обновления, они делали акцент на сознательном изменении отношения людей к Богу, обретении уверенности в божественном прощении, принятии его и постоянной заботе. Плодом такого обновления должна стать жизнь в форме “*pietas*” (благочестия) — полная любви к Богу и человечеству, основанная на живом ощущении реальности присутствия Бога в любой момент жизни. Пиетисты верили, что те, в ком актуализируется эта религиозная перспектива, составляют инклюзивное сообщество, подобное общинам первых христиан, в которых не было разделения на национальности, расы и сословия. Чувство религиозной солидарности выражалось у них в формах обращения — они называли друг друга «брат» или «сестра». Эта религиозная солидарность распространялась и на их видение общественной жизни и политики, которые, по их мнению, подлежали реформированию, моральному исправлению [Stoeffler, 2005]. Акцент был сделан на необходимость соблюдения благочестия, создание небольших групп (*collegia pietatis*) для распространения слова Божьего через молитву, пение и духовное чтение, а также на мировоззрение, подчеркивающее единство между конфессиями [Collis, 2012, p. 110].

PHILIPPUS IACOBUS SPENER. S. S. THEOLOGICUS. ECCLESIAE EVANGELICAE. MÜNCHEN. FRANCOPURTI. PASTOR. ET MINISTERII. IBIDEM. SENIOR.

Филипп Якоб Шпенер. Гравюра

между «чувственными» и «сформированными» языками. Для него реального понимания можно достигнуть только через обсуждение в своем естественном чувственном языке, который в данном случае можно назвать родным языком [Avraham, 2019]. Шпенер настаивал на том, чтобы дискуссии в духовных школах велись на родном языке, поскольку студентам (даже знающим латынь) более комфортно говорить на сложные темы на языке, знакомом с детства, что помогло бы им просто и внятно общаться с простыми людьми. Реализация христианских идей в реальной жизни — вот что было важно для той ветви пиетизма, которая пустила корни в Галле и постепенно распространилась по всему миру. Шпенер считал, что «прежде всего надо держаться того правила, что христианство заключается не в знании, а в выполнении божественных законов, и что поэтому христиан должно воспитывать в подвигах бескорыстной любви, кротости в самих страданиях, самообладания в порывах горести и мести и такого доброжелательства к людям, которое заставляет врагу делать добро» [цит. по: Остроумов, 1897, с. 9]. Само христианство есть жизнь и потому от своих последователей требует мира и любви. Таким образом, Шпенер с совершенной ясностью противопоставил догме жизнь, бездушную теорию — живую деятельность. «Я, говорит он, никогда не был того мнения, что реформация Лютера была делом совершенным и законченным». По мнению Шпенера,

Пиетисты настаивали на том, что проповедь должна вестись на родном языке. Это стало важным фактором в процессе распространения пиетизма и его влияния на национальные культуры. Как считают исследователи, на галльский пиетизм (Шпенер и Август Герман Франке) сильно повлиял Якоб Бёме, который в “Mysterium Magnum” (1623) утверждал, что словесные выражения обретают содержание благодаря взаимодействию между властью чувств и самим говорящим. Язык может появиться естественным образом только в том случае, если подходящее слово появляется по собственной воле. В этом смысле Бёме проводил различие

ей именно недоставало практической действенности, т. е. деятельности, направленной ко введению христианства в нравы, посредством систематического перевоспитания общества» [там же].

Идеи Шпенера в образование были воплощены благодаря деятельности Августа Германа Франке (1663–1727). Для историков педагогики XIX столетия Франке был создателем современной системы педагогики, в том числе системы реальных училищ. Пансионы для обучения бедных детей, а также «Педагогиум» для детей состоятельных родителей, которые могли платить за обучение, основанные им в Галле в конце XVII —

начале XVIII века, еще в XIX столетии назывались «учреждениями Франке». Основной целью образования Франке считал «благочестие и мудрость». Главным предметом был закон Божий, который дополняли молитвенные упражнения и морально-дидактические наставления. Практическое направление учения Франке, которое он называл «мудростью», состояло в его заботах о «реальном», практическом образовании, которое помогло бы его воспитанникам найти работу. Поэтому помимо «духовных дисциплин» они изучали математику, логику, астрономию, географию, историю, земледелие, ботанику, садоводство, иностранные языки и т. д. Детей также обучали рисованию, поскольку Франке, опираясь на христианскую антропологию, считал, что необходимо максимально развивать способности ребенка, чтобы он стал цельным человеком. При этом акцент делался на максимально наглядном преподавании предметов, чтобы «из “номинально реальных школ” образовались действительно “реальные школы”» [Раумер, 1878]. Иностранному языку придавалось большое значение, поскольку они были необходимы и как инструмент миссионерской проповеди [Yoder, 2020]. Эта проповедь была востребована, поскольку пиетисты стремились к преображению и христианизации на пиетистский лад всего мира. И они много достигли.

Антуан Пэн (Antoine Pesne). Портрет Августа Франке. Franckesche Stiftungen zu Halle. Archiv und Bibliothek

Основной целью пиетистов из Галле было распространение «истинного» христианства на доступном каждому верующему простом народном языке. Для ее достижения на различные национальные языки переводились Библия, программный труд Иоанна Арндта «Четыре книги об истинном христианстве» <...>, а также другие пиетистские произведения <...>. Миссия была направлена на Восток: от богемских протестантов через польских католиков к русским православным, чтобы достичь затем религиозных сообществ в Индии и Арабии.

[Менгель, 2021, с. 656]

Исследователи отмечают, что не столько революционный, сколько эволюционный дух пиетизма оказал огромное влияние на множество разных религиозных общин во всем мире. Он охватил не только Европу, но и преодолел Атлантику, проник в общины методистов и пуритан в Англии, филаделфийцев в Северной Америке, его следы можно обнаружить в католических движениях, таких как янсенизм, и даже в православии [Stoeffler, 2005]. Германский пиетизм оказал значительное влияние на развитие христианского богословия и философской мысли (в том числе и в России) во многом благодаря сочинениям Фридриха Шлейермахера и его учеников [Баршт, 2021].

Апроприация идей пиетизма начинается в России еще в XVII столетии, и этот процесс проходит достаточно успешно благодаря тому, что, с одной стороны, дисциплинарная политика пиетизма во многом совпадала с теми идеями дисциплинарной революции, которая началась сразу после Смуты и реализовывалась всеми царями новой династии Романовых с Федора Михайловича до императора Петра Первого, а с другой — русская церковь также нуждалась в обновлении, и пиетистские идеалы благочестия разделяли многие церковные деятели. Исследователи обращают внимание на то, что отдельные идеи «Духовного регламента» — главного закона, которым руководствовалась русская церковь в синодальный период, — вполне вероятно возникли под влиянием галльского пиетизма, поскольку Феофан Прокопович разделял некоторые взгляды пиетистов (особенно это касалось взглядов на образование) и применял педагогические методики «учреждений Франке» в своей школе на Аптекарском острове в Петербурге, где детей также обучали классическим языкам, грамматике, риторике, логике, истории, арифметике, геометрии, географии и рисованию [Collis, 2012, p. 352]. Пиетизм был близок многим сподвижникам Петра Великого. Так, Якоб Брюс, который был тесно связан с Франке, давал кров и помогал найти работу бесчисленным выученикам галльской школы, приезжавшим в Россию в качестве учителей [ibid, p. 110]. А. Г. Франке видел в

православии «форму вероисповедания более близкую пиетизму и “истинному” христианству, чем католичество» [Альтернативные пути ... , 2021, с. 281]. Переведенный на русский язык (не на церковнославянский) «Малый катехизис» Франке даже был преподнесен Петру I, но так и не получил массового распространения в России [там же]. Но пиетисты чаще использовали «мягкую силу», распространяя свое влияние и идеи надконфессионального «истинного» христианства через учебные пособия, грамматики. Примеров можно привести достаточно много: это грамматики Г. В. Лудольфа, И. В. Пауса, И. Э. Глюка и И. К. Штала, которые воспринимали эту науку как «высокое служение Богу» [там же, с. 26, 29], что вполне соответствовало христианским представлениям о том, что знание языков — это божественный дар и обучение языкам — это способ исправления мира. Ведь Бог некогда лишил людей дара языков, чтобы наказать их, разъединив во время строительства Вавилонской башни, и вновь вернул этот дар избранным — апостолам в день Пятидесятницы. В первой половине 1730-х годов в Галле был осуществлен перевод и публикация «программных» трактатов пиетистов на русский язык (не на церковнославянский, а именно на разговорный русский). Эта работа была осуществлена Симеоном Тодорским (будущим епископом Псковским и Нарвским и законоучителем великого князя Петра Федоровича и его невесты, будущей императрицы Екатерины II), который в 1729 году был отправлен Феофаном Прокоповичем из Санкт-Петербурга для продолжения учебы в Галле. В его переводах в Галле вышли: «Наставление к Священному Писанию, или Увещание о чтении Священного Писания» И. Арндта; «Начало христианского учения во употребление и в пользу всякому правоверному христианину, наипаче неведающим и много изустно учиться не могущим, из Священного Писания вкратце изображенное» А.-Г. Франке, которое также включало перевод немецких духовных песен XVII века; «Учение о начале христианского жития» Франке, из текста которого Тодорский «исключил имя М. Лютера и опустил духовные песнопения, находящиеся у Франке в кон. текста» [Шишкин, 2010, с. 250]; «Писанию святому согласующееся наставление к истинному познанию и душеспасительному употреблению страдания и смерти Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа» И.-А. Фрейлингаузена. Самым известным и востребованным в России, вошедшим в состав многих библиотек семинарий и духовных академий Российской империи, был перевод важнейшего для пиетистов трактата И. Арндта «Чтири книги о истинном христианстве, содержащи в себе учение о спасительном покаянии, сердечном жалении и болезновании ради грехов; о истинной вере, о святом житии и пребывании истинных неложных христиан» (1735). Перевод и публикация были подготовлены благодаря финансовой помощи императри-

цы Анны Иоанновны. «В предисловии Т. писал, что указанное сочинение душеполезно для представителей всех конфессий и поэтому принято и католиками, и кальвинистами» [там же].

Книги из Галле, попав в Российскую империю, вызвали большой интерес и в светской среде (особенно сочинение Арндта), и в церковной, поскольку у священнослужителей в это время уменьшается интерес к «схоластическому» богословию и усиливается к вопросам внутренней религиозной жизни, к христианской мистической литературе. Это отражается даже на книгах, рекомендованных к изучению в российских семинариях, в числе которых первое место (судя не только по переизданиям русских переводов, но и по сохранившимся рукописным копиям) занимает Иоганн Арндт [Ivanov, 2020, p. 210], деля это место с Фомой Кемпийским, сочинение которого “*De Imitatione Christi*” («О подражании Христу»), сыгравшее огромную роль и в развитии идей пиеизма [Habsburg, 2011], считается одним из классических текстов западной духовности. Между его появлением в двадцатые годы XV века и 1650 годом насчитывалось 800 рукописных копий и более 740 различных печатных изданий данного труда. Это показывает, что мистическая духовность никогда не была периферийным измерением религии, но всегда находилась в самом сердце как католического, так и протестантского самовосприятия и идентичности [ibidem]. В России апроприация западной духовно-мистической традиции начинается в XVII веке. Первые рукописные переводы трактата Фомы Кемпийского появляются в XVII столетии, в XVIII веке по рукам ходило множество списков рукописного перевода, сделанного А. Ф. Хрущевым [Круглов], в XIX веке это сочинение выходит в нескольких переводах, самый известный был сделан обер-прокурором Св. Синода К. Победоносцевым. Представляется неслучайным, что в это же время в России развивается визуализация темы *imitatione Christi*. Это происходит благодаря распространению гравюр и лубочных картинок с сюжетами «Плодов страдания Христовых». П. В. Майер пишет:

Вместе с тем именно на лубочных картинках осуществляется дальнейшая трансформация сюжета: гиперболизированная листва вокруг Древа-Креста создает целую крону, его «плоды» представлены уже не в виде страстных эмблем, а в форме медальонов с апостольскими страстями. В данном случае симптоматично, что страстной мотив получает дальнейшее развитие. Императив следовать за Спасителем и призыв к *imitatio Christi* проиллюстрированы в сценах мученической смерти апостолов.

[Майер, 2015, с. 75–76]

В этом нет ничего удивительного, ведь с конца XVII столетия важнейшей задачей священника становится искусство проповеди, и, уча паству «ступать по стопам Христовым», священники часто обращались к переводам.

Достаточно свободное распространение (в том числе и продажа на территории Российской империи) книг было прекращено в 1743 году именным указом императрицы Елизаветы Петровны «О неприводе из-за границы печатанным в чужих краях на Российском языке книг, неосвидетельствованных Синодом и о непереводе иностранных духовных книг без дозволения Синода. По представлению Нашего Святейшаго Синода, известно Нам учинилось, что книга, нарицаемая о истинном Христианстве, Автора Арндта, в 1735 голу в Галле, и прочия там же на Российском диалекте напечатанныя, яко то: именуемая учение о начале Христианскаго жития, без именнаго автора, и другия подобныя тем книги произошли внутрь России и у многих православных находятся, имея титлу под видом ревности к Богу, акибы о истинном Христианстве добродетелей, а в нашем Святейшем Синоде оныя не свидетельствованы». Далее высказывалось требование все экземпляры этих книг, имеющиеся в библиотеках, отправлять в синодальные учреждения. Также запрещалось всем «из подданных наших, кои донныне для обучения и прочих дел находятся в иностранных государствах <...>, чтобы они, будучи там, таковых книг отнюдь на Российский диалект не переводили, да и внутрь нашей империи таковых же Богословских, никаких книг с других языков в Российской диалект, без позволения от Нашего Святейшаго Синода, переводить, накрепчайше запретить»¹. Этот именной указ, вводящий церковную цензуру на переводы религиозной литературы, сохранялся и позже, в период правления императрицы Екатерины II. Но, несмотря на запрет, сочинение Арндта было хорошо известно в среде семинаристов и образованного духовенства. Е. Кислова отмечает, что «книги Арндта отмечены в двух описях личных библиотек церковных иерархов 1760-х гг. В 1762 г. архимандрит Троицкой лавры Лаврентий Хотьковский (ум. в 1766 г.) подарил в библиотеку Троицкой семинарии 34 книги из своей личной библиотеки, в том числе “Четыре книги в одном переплете о истинном христианстве Иоанна Арнда печатана в Гале 35 году”» [Кислова, 2015, с. 62]. «Еще одна копия Арндта — “Arndtii de vero kristianismo” — вошла в состав библиотеки из собрания книг, купленного семинарией после смерти архимандрита Спасо-Ярославского монастыря, ранее преподавателя Троицкой семинарии Владимира Каллиграфа (ум. в 1760 г.)» [там же]. Известно, что эти книги не только сохранялись в библиотеках духовных учреждений

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 11. № 8832.

Российской империи, но и активно использовались в учебных курсах. Так, «несмотря на существующее запрещение перевода, учитель Троицкой семинарии Иван Харламов использовал книги Арндта в 1769 г. на уроках немецкого, причем делал это с одобрения руководства семинарии и с ведома Платона (Левшина). Возможно, с точки зрения общества, запрет на хранение и распространение перевода не распространялся на оригинал» [там же, с. 63]. В библиотеках семинарий и академий было много литературы, как духовной, так и философской, на иностранных языках. Хотя основным языком, который изучался в российских духовных школах, была латынь, но немецкий и французский изучались по выбору. Французский, как правило, старались изучать те студенты, которые надеялись устроить светскую карьеру, а немецкий те, кто планировал карьеру церковную [Kislova, 2020].

Несмотря на запрет перевода, он продолжал использоваться. Так, епископ Тихон Задонский при написании трактата «О истинном христианстве», который он создал в 1768–1770 годах, опирался именно на перевод «Четырех книг о истинном христианстве» Симона Годорского. Произведения И. Арндта считали важными для духовного развития такие духовные писатели, проповедники, как епископ Ростовский Арсений Мацеевич (1697–1772), осужденный за сопротивление секуляризационной политике императрицы Екатерины II, а также знаменитый алтайский миссионер и переводчик Библии архимандрит Макарий (Глухарев) (1792–1847). Рекомендовал Арндта своим «духовным чадам» московский протоиерей Симеон Соколов (1772–1860), духовник многих московских священников, известный своей любовью к духовным размышлениям и мистической духовности [Сушков, 1868]. Упомянутый выше митрополит Платон (Левшин) (1737–1812) не слишком скрывал свои симпатии по отношению к пиетизму и к сочинениям Арндта, которые имелись в его библиотеке [Ivanov, 2020, p. 133].

Новый перевод трактата Арндта выполнил известный московский масон и будущий директор Московского университета Иван Петрович Тургенев (1752–1807). Пять увесистых томов «Иоганна Арндта О истинном христианстве шесть книг: С присовокуплением Райскаго вертограда и других некоторых мелких сочинений сего писателя» были изданы Иваном Владимировичем Лопухиным в 1784 году несмотря на действующий запрет. Как и упомянутый выше трактат Фомы Кемпийского, сочинение Арндта пользовалось огромной популярностью среди российских масонов [McIntosh, 1992, p. 154].

Распространению влияния пиетизма в России в XVIII–XIX веках способствовала также и популярность среди российских студентов (особенно тех, кто изучал теологию) университета в Галле, где влияние пиетизма было неизменно сильным.

В 1697 г. Франке писал Шаршмидту, имея в виду возможный взаимный обмен учениками между Москвой и Галле: «Мы хотим содержать у себя русских также, как мы желаем, чтобы и они содержали бы у себя наших детей. И я охотно употреблю наше крайнее усердие, чтобы вернуть их полезными орудиями их Отечеству. Сколько добра могло бы возникнуть из такой *commertio nationum* (торговли народов — *лат.*)!»

[Андреев, 2005, с. 44]

С 1698 по 1810 год на теологическом факультете Галльского университета училось 27 студентов из России (всего на разных факультетах этого университета училось 67 российских студентов) [там же, с. 51].

Конец XVIII — начало XIX века — это время, когда в Европе антиклерикальные веяния, атеизм и религиозное безразличие приходят в столкновение со всплеском религиозных настроений как среди «простецов» (любые кризисы, революции, войны вызывают всплески религиозности), так и среди среднего класса и элит, а также интеллектуалов. Э. Хобсбаум отмечает, что «для консервативных правительств после 1815 г. (а какое правительство в Европе не было консервативным?) поощрение религиозных чувств и церквей было неотъемлемой частью политики, так же как и организация политических служб, цензура, поскольку полиция, цензура и священники являлись тремя оплотами реакции против революции» [Хобсбаум, 1999, с. 315–316]. Эта установка на политизацию религиозных идей имела значение не только для романтиков, но и для идеологов, поскольку такой «союз трона и алтаря имел более глубокое значение: он охранял старое правильно живущее общество от коррозии разума и либерализма, и человек находил, что это старое общество более соответствует его трагическим предчувствиям, чем то, которое построят рационалисты» [там же]. Среди европейских государств эта тенденция наиболее ярко воплотилась в России Александра I и Пруссии Фридриха-Вильгельма IV. В религиозном плане это способствовало формированию нового направления в пиетизме — неопиетизма. Толчок к развитию этой ветви пиетизма в Пруссии дала Французская революция, страх перед которой способствовал различным реформам, росту национального движения. Неопиетисты, среди которых было много состоятельных и знатных землевладельцев и богословов, делали акцент не на «внутреннем делании», а на «внешнем», на церковно-государственных отношениях. Они искали новые пути к тому, что можно условно назвать «симфонией государства и религии». Опираясь на пиетистские традиции XVII и XVIII веков, неопиетисты соединили свою глубокую религиозную преданность с новыми консервативными идеалами, делая акцент на легитим-

ности политической власти [Avraham, 2019]. С некоторой долей условности это новое течение можно назвать «политическим пиетизмом», поскольку в нем патернализм как одна из характерных черт пиетизма приобретает политическое значение. Одним из крупнейших теоретиков этого направления был Карл Людвиг фон Галлер (1768–1854). Исследователи отмечают, что в его теориях нашли новое оправдание идеи сохранения иерархического общественного порядка [ibidem]. В 1816 году начал выходить его основной труд — шеститомное “*Restauration der Staats-Wissenschaft*” («Восстановление государственной науки»). По мнению Галлера, люди не рождаются равными и всегда будут те, кто зависит от других, которые, в свою очередь, будут поддерживать их. Эта идея была особенно актуальной для пиетистов, потому что она соответствовала другой черте пиетизма — благотворительности и отцовской ответственности, направленной на социальную справедливость. Сочинение Галлера не переводилось на русский язык, но было известно в России. В. А. Жуковский в письме к Ал. Тургеневу (15 января 1833 года) пишет, что «прочитав первый том Haller’s “*Restauration der Staats-Wissenschaft*”, он увлечен его системой, жалеет, что не познакомился с нею ранее и сам обрушивается на защитников “фальшивой свободы, верховной власти народа, так называемого общего блага и пр. и пр. Это отсутствие всего Божественного, этот материализм это замещение всего высокого и святого в душе математическими расчетами”» [Веселовский, 1904, с. 372].

Непонятно (этот вопрос требует дополнительного исследования), насколько сочинение Галлера было известно в России в конце 1810-х годов, но близкие ему идеи мы обнаруживаем в среде чиновничества последнего десятилетия правления императора Александра I. Среди наиболее ярких фигур необходимо упомянуть князя А. Н. Голицына (1773–1844), из «вольтерьянца» ставшего мистиком и возглавившего министерство со знаковым названием «Министерство Духовных дел и народного просвещения». Религиозные взгляды Голицына отличались эклектизмом: масонство, пиетизм, британский аналог пиетизма ривайвелизм («великое пробуждение»), православие. Это отразилось и на его деятельности в качестве министра. Манифест 1818 года об учреждении министерства начинается со слов: «Желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения, признали мы полезным соединить дела по Министерству Народного просвещения с делами всех вероисповеданий в составе одного Управления, под названием Министерства Духовных дел и Народного Просвещения»². Эти слова вполне мог бы написать

² Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 34. № 27106.

Франке, по духу они совершенно пиетистские, и в них даже можно обнаружить намек на экуменические идеи. Приверженность министра мистическому христианству и экуменизму не могла не вызвать неприятия духовной власти, и в 1824 году православные консерваторы в лице архимандрита Фотия (Спасского) и митрополита Серафима (Глаголевского) добились лишения Голицына министерского портфеля.

Одним из самых знаменитых событий времен министерства Голицына была контрреформа университетского образования, которая связана с именами таких радикалов, как М. Д. Магницкий, Д. П. Рунич и А. С. Стурдза. Фактически она являлась попыткой реформировать российскую высшую школу по образцу пиетистских учебных заведений. Теоретическое ее обоснование мы можем найти в их трудах, и в частности в работе А. С. Стурдзы, которую он выпустил в Одессе, «Вера и ведение, или рассуждение о необходимом согласии в преподавании религии и наук питомцам учебных заведений» (1833).

Педагогические идеи пиетистов оказали огромное влияние на педагогику XIX века в целом и, конечно же, на русскую педагогическую мысль. Элементы пиетизма мы можем обнаружить в текстах, которые размещались для чтения в азбуках и букварях в XIX веке, начиная с «Букваря для употребления русского юношества» до «Азбуки новейшей или Букваря для обучения малолетних детей чтению», а духовно-назидательные, написанные живым разговорным языком истории в «Букваре солдатском», вышедшем несколькими изданиями уже в 1860-е годы, напоминают рекомендации Франке распространять брошюры духовно-нравственного содержания для духовного просвещения простого народа. Можно предположить, что отчасти распространению пиетистских идей в воспитательной сфере способствовал В. А. Жуковский.

К. П. Брюллов. Портрет князя А. Н. Голицына. 1840. ГГГ. Холст, масло

Портрет А. С. Стурдзы

Занимаясь воспитанием наследника престола великого князя Александра Николаевича, он составил «План учения его императорского высочества государя великого князя наследника цесаревича Александра Николаевича». План этот был достаточно короткий, состоял из четырех пунктов, включавших любимую пиетистами «сердечную философию». Акцент делался не на образовании, а на «сердечном», нравственном воспитании:

Цель воспитания вообще и учения в особенности есть образование для добродетели. Воспитание образует для добродетели:

Пробуждением, развитием и сбережением добрых качеств, данных природою, действуя на ум и сердце и заставляя их действовать.

Образованием из сих качеств характера нравственного, обращая добро в привычку и подкрепляя привычку правилами разума, воспламенением сердца и силою религии.

Предохранением от зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность к добру, и содержа душу, сколько возможно, в спасительной неприкосновенности к злу.

Искоренением злых побуждений и наклонностей, препятствуя им обратиться в привычку и побеждая вредные привычки привычками добрыми.

Учение образует для добродетели, знакомя питомца: 1) С тем, что окружает его. 2) С тем, что он есть. 3) С тем, что он быть должен как существо нравственное. 4) С тем, для чего он предназначен как существо бессмертное.

В постепенном разрешении сих четырех вопросов заключается весь план.

[Жуковский, 2016, с. 104]

Как и другие представители российской интеллектуальной элиты, В. А. Жуковский в юности испытал влияние масонства, а затем мистицизма, ривайвелизма и пиетизма. В его личной библиотеке было значительное количе-

ство книг, значимых для раннего пиетизма (трактат Арндта), а также многочисленные работы современных ему немецких богословов и мыслителей. Из русских авторов духовно-назидательной литературы он больше всего ценил сочинения А. С. Стурдзы. И повседневная жизнь Жуковского с 1840 года протекала среди пиетистов, членов семьи Рейтерн, родственников его жены Елизаветы, которые ревностно соблюдали практики домашнего благочестия (чтение Библии и духовной литературы, обсуждение религиозных переживаний). При этом он сам также читал молитвенное правило на церковнославянском и воспитывал детей в православии.

Подводя итог этому краткому обзору рецепции пиетизма в отечественной религиозно-философской традиции, надо отметить, что влияние его было достаточно мощным. Мы можем обнаружить его и в философии московских славянофилов и их поздних последователей, а также в философско-религиозных построениях русских консерваторов конца XIX — начала XX века, и в религиозно-философской мысли Серебряного века. Степень влияния пиетизма на церковную среду полностью еще предстоит оценить, но, судя по тому количеству пиетистской литературы, которая хранилась в библиотеках духовных школ и в личных библиотеках священнослужителей, оно было очень сильным. Хотя далеко не все клирики относились к этому течению с симпатией (тут можно вспомнить о критике пиетизма Игнатием Брянчаниновым). Православная критика пиетизма (как и ривайвелизма) была связана прежде всего с его экуменическим потенциалом и с тем, что он выдвигал на первый план неинституциональные формы религиозности, личное исповедание веры, что вступало в противоречие с еkkлезиологическими представлениями отдельных богословов.

К. П. Брюллов. Портрет В. А. Жуковского. ГГГ. 1838

Список источников

Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII — первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков / отв. ред. С. Менгель. М.: Языки славянской культуры, 2021. 328 с.

Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с.

Барит К. А. Философская теология Ф. Шлейермахера и религиозное реформаторство в произведениях И. В. Киреевского и Ф. М. Достоевского // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 1. С. 57–79.

<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-1-57-79>.

Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения» — СПб.: Типография императорской академии наук, 1904. 570 с.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. М.: ЯСК, 2016. Т. 11: Проза 1810-х — 1840-х. 668 с.

Кислова Е. И. Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестн. Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Сер. Филология. 2015. 1 (41). С. 53–70.

Майер П. В. Западноевропейские источники иконографии «Плоды страданий Христовых»: «Живой Крест» и «Древо Жизни» в русской иконописи // Вестн. ПСТГУ. Сер. V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. Вып. 3 (19). С. 52–80.

Менгель С. «Harmonia vocum hebræicum cum Slavonicis rutenicis et polonicis» — сравнительное исследование студента Симеона Тодорского и концепция «простого» языка в его «русских» переводах из Галле в начале XVIII века // Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько / отв. ред. И. М. Ладыженский, М. А. Пузина; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2021. С. 654–663.

Остроумов М. А. Август Герман Франке. Харьков: Тип. Губ. правл., 1897. 25 с.

Раумер К. Г. История воспитания и учения от возрождения классицизма до нашего времени. Ч. 2: От Бэкона до смерти Песталоцци (1561–1827). СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1878. 704 с.

Сушков Н. В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского / сост. Н. В. Сушковым. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1868. 294, 164 с.

Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. 480 с.

Шишкин А. Б. Симеон Тодорский // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. С. 248–252.

Avraham D. German Neo-Pietism and the Formation of National Identity // *Church History*. 2019. Vol. 88 (1). P. 87–119. doi:10.1017/S0009640719000544.

Bernard D. A History of Christian Doctrine. Hazelwood, MO: Word Aflame Press, 1996. Vol. 2: The Reformation to the Holiness Movement, A. D. 1500–1900. 336 p.

Collis R. The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden, Boston: Brill, 2012. 576 p.

Habsburg M. V. Catholic and Protestant Translations of the Imitatio Christi, 1425–1650: From Late Medieval Classic to Early Modern Bestseller. Routledge: Ashgate Publishing, Ltd., 2011. doi.org/10.4324/9781315571010.

Ivanov A. V. A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825. University of Wisconsin Press, 2020. 353 p.

Kislova E., Kostina T., Rjeoutski V. Learning Grammar in Eighteenth-Century Russia // *The History of Grammar in Foreign Language Teaching*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. Vol. 1. P. 133–154.

McIntosh C. The Rose Cross and the Age of Reason. Leiden; N. Y.: Brill, 1992. 200 p.

Shantz D. H. The Origin of Pietist Notions of New Birth and the New Man: Alchemy and Alchemists in Gottfried Arnold and Johann Heinrich Reitz // *Pietist Impulse in Christianity* / Ed. by Ch. T. Collins Winn. Eugene, OR: Pickwick Publications, 2011. P. 29–41.

Stoeffler F. E. Pietism // *Encyclopedia of Religion*. 2nd edn / Lindsay Jones, Editor in Chief. Detroit: Macmillan References, Thomson Gale, 2005. Vol. 10. P. 7141–7144.

Yoder P. J. Pietism and the sacraments: the life and theology of August Hermann Francke. Vol. 6. Penn State Press, 2020. 215 p.

References

Al'ternativnye puti formirovaniya russkogo literaturnogo yazyka v kontse XVII — pervoj treti XVIII veka. Vklad inostrannykh uchenykh i perevodchikov [Alternative ways of forming the Russian literary language at the end of the XVII — first third of the XVIII century. Contribution of foreign scientists and translators] (2021) Ed. by S. Mengel'. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

Avraham, D. (2019) 'German Neo-Pietism and the Formation of National Identity' // *Church History*, 88(1), pp. 87–119. doi:10.1017/S0009640719000544.

Barsht, K.A. (2021) 'Philosophical theology of F. Schleiermacher and religious reformation in the works of I.V. Kireevsky and F.M. Dostoevsky', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(1), pp. 57–79. (In Russ.). doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-1-57-79.

Bernard, D. (1996) *A History of Christian Doctrine. Vol. 2: The Reformation to the Holiness Movement, A.D. 1500–1900*. Hazelwood, MO: Word Aflame Press.

Collis, R. (2012) *The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725*. Leiden, Boston: Brill.

Habsburg, M.V. (2011) *Catholic and Protestant Translations of the Imitatio Christi, 1425–1650: From Late Medieval Classic to Early Modern Bestseller*. Routledge: Ashgate Publishing, Ltd. doi.org/10.4324/9781315571010.

Hobsbawm, E. (1999) *Vek revoljutsii. Evropa 1789–1848* [*The Age of Revolution. Europe 1789–1848*]. Rostov-na-Donu: Phoenix Publ.

Ivanov, A.V. (2020) *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825*. University of Wisconsin Press.

Kislova, E., Kostina, T., Rjeoutski, V. (2020) ‘Learning Grammar in Eighteenth-Century Russia’, in *The History of Grammar in Foreign Language Teaching. Vol. 1*. Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 133–154.

Kislova, E.I. (2015) ‘Nemetskij yazyk v russkikh seminariyakh XVIII veka: iz istorii kul'turnykh kontaktov’ [‘German in Russian seminaries of the XVIII century: from the history of cultural contacts’], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo universiteta. Seriya Filologiya* [*Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. The series Philology*], 1(41), pp. 53–70.

Maier, P.V. (2015) ‘Zapadnoevropejskie istochniki ikonografii «Plody stradanij Khristovykh»: «Zhivoj Krest» i «Drevo Zhizni» v russkoj ikonopisi’ [‘Western European sources of iconography “Fruits of the sufferings of Christ”: “The Living Cross” and “Tree of Life” in Russian iconography’], *Vestnik PSTGU. Seriya V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva* [*Bulletin of the PSTSU. Series V: Questions of the History and theory of Christian Art*], 3(19), pp. 52–80.

McIntosh, C. (1992) *The Rose Cross and the Age of Reason*. Leiden, New York: Brill.

Mengel, S. (2021) ‘«Harmonia vocum hebræicum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis» — sravnitel'noe issledovanie studenta Simeona Todorskogo i kontseptsiya «prostogo» yazyka v ego «russkikh» perevodakh iz Galle v nachale XVIII veka’ [‘“Harmonia vocum hebræicum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis” — a comparative study of the student Simeon Todorsky and the concept of “simple” language in his “Russian” translations from Halle at the beginning of the XVIII century’], in *Sub specie aeternitatis: Sbornik nauchnykh statei k 60-letiyu Vadima Borisovicha Krysko* [*Sub specie aeternitatis: Collection of scientific articles dedicated to the 60th anniversary of Vadim Borisovich Krysko*]. Ladyzhensky, I.M. & Puzina, M.A. (eds). Moscow: Azbukovnik, pp. 654–663.

Ostroumov, M.A. (1897) *August Hermann Franke*. Kharkiv: Typ. Gubern. Pravl.

Raumer, K.G. (1878) *Istoriya vospitaniya i ucheniya ot vozrozhdeniya klassitsizma do nashego vremeni. Chast 2: Ot Behkona do smerti Pestalottsi (1561–1827)* [*The history of education and teaching from the revival of Classicism to our time. Part 2: From Bacon to the death of Pestalozzi (1561–1827)*]. St. Petersburg, typ. V.S. Balasheva.

Shantz, Douglas H. (2011) 'The Origin of Pietist Notions of New Birth and the New Man: Alchemy and Alchemists in Gottfried Arnold and Johann Heinrich Reitz', in *The Pietist Impulse in Christianity*. Ed. by Christian T. Collins Winn. Eugene, OR: Pickwick Publications, pp. 29–41.

Shishkin, A.B. (2010) *Simeon Todorsky. Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka. Tom 3* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century. Vol. 3]. St. Petersburg: Nauka, pp. 248–252.

Stoeffler, F.E. (2005) 'Pietism', in *Encyclopedia of Religion. Vol. 10*. 2nd edn, Lindsay, Jones (Editor in Chief). Detroit: Macmillan References, Thomson Gale, pp. 7141–7144.

Sushkov, N.V. (1868) *Zapiski o zhizni i vremeni svyatitelya Filareta, mitropolita Moskovskogo* [Notes on the life and time of St. Filaret, Metropolitan of Moscow] Moscow: Тип. A.I. Mamontov.

Veselovskij, A.N. (1904) *V.A. Zhukovskij: Poehziya chuvstva i «serdechnogo vobrazheniya»* [V.A. Zhukovsky: Poetry of Feeling and "heart imagination"]. St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk [House of the Imperial Academy of Sciences].

Yoder, Peter James (2020) *Pietism and the sacraments: the life and theology of August Hermann Francke. Vol. 6*. Penn State Press.

Информация об авторе: Т. В. Чумакова — доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Information about the author: T. V. Chumakova — DSc in Philosophy, Professor of Department of Philosophy of Religion and Religious Studies at the Institute of Philosophy of the St. Petersburg State University. Address: 5 Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 28.05.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.